
18+
MagicPika
ДИНАСТИЯ
НОВАЯ ЭПОХА
КИРСАНОВЫ
ЧЕСТЬ ВЫШЕ СИЛЫ
КИРСАНОВЫ
ПРАВДА. ВЛАСТЬ. НАСЛЕДИЕ.
ТОМ III

MagicPika

Кирсановы. Династия. Новая эпоха. Том III

«Издательские решения»

MagicPika

Кирсановы. Династия. Новая эпоха. Том III / MagicPika — «Издательские решения»,

Семья Кирсановых возвращается в Санкт-Петербург, где прошлое не осталось позади. За внешним порядком военной службы и политической борьбы скрываются старые тайны, непростые решения и испытания, в которых проверяются верность, честь и родственные связи. Кириллу, Ивану и Майе предстоит защитить близких, сохранить собственные принципы и решить, какой будет новая эпоха их семьи.Книга содержит нецензурную брань.

© MagicPika
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Возвращение 6
Глава I. Возвращение домой 6
Витебский 6
Дорога 7
Юра 8
Машины 10
Глава II. Новая жизнь 13
Адмиралтейство 13
ЦГБ №34 14
Первый день 16
Ока приехала 17
Ординаторская 18
Жалоба 19
Глава III. Север держит слово 22
Две реки 22
Шаурма 23
Флаг 24
Съезд 26
Предложение 28
Проверка 30
Один из наших 31
Лично 32
Назначение 33
Коллективный иск 35
Глава IV. После победы 37
Четыре кофе 37
Кто съел торт 37
Три мнения 38
Последствия 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Кирсановы
Династия. Новая эпоха. Том III

MagicPika

© MagicPika, 2026

ISBN 978-5-0071-6699-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Возвращение

Глава I. Возвращение домой

Витебский

Витебский встретил их так, как встречает всех, кто возвращается после долгого отсутствия — равнодушно и холодно. Высокие своды вокзала терялись где-то в полумраке, куда не доставал утренний свет, пробивавшийся сквозь старые арочные окна. Пахло камнем, металлом и чужими маршрутами — тем особым запахом больших вокзалов, который не меняется десятилетиями.

Люди шли мимо, не глядя по сторонам — спешащие, погружённые в свои дела, безразличные к трём фигурам с сумками, только что сошедшим с поезда. Питер никогда не смотрит на тех, кто приезжает — только на тех, кто остаётся достаточно долго, чтобы город решил обратить на них внимание.

Кирилл поставил сумку на бетон платформы, огляделся. Каждая деталь здесь была узнаваемой и одновременно чужой — та особая двойственность, которая возникает, когда возвращаешься домой после того, как дом перестал быть просто домом.

— Ну что. Дома, — сказал Иван, тоже опуская вещи на пол.

Майя ничего не ответила. Просто подняла сумку и пошла вперёд, не оборачиваясь — прямая спина, уверенный шаг, будто она точно знала куда идти, хотя они не были здесь годами.

⁂

Сергей ждал у выхода из зала — невысокий человек в тёмной куртке, стоявший неподвижно среди снующей толпы, руки в карманах, взгляд направленный прямо на приближающихся троих.

— Приехали, — сказал он, когда они подошли достаточно близко.

— Приехали, — ответил Кирилл.

Они обменялись рукопожатиями — быстрыми, деловыми. Сергей оглядел всех троих внимательно, профессионально, будто оценивал состояние груза после долгой перевозки. Что-то решил про себя, но не озвучил.

— Вам нужны документы, — сказал он наконец. — МФЦ на Казанской, сорок пять. Знаете где?

— Найдём, — ответил Иван.

— Хорошо. Потом звоните.

Он уже разворачивался, чтобы уйти, но остановился на полушаге.

— Проверьте карты.

Кирилл достал телефон, открыл банковское приложение. На экране высветилось уведомление — на счёт упало десять тысяч рублей. Без объяснений, без сообщения. Просто цифра, которой не было минуту назад.

— Сергей, — начал он.

— Потом, — оборвал тот. — Сначала документы.

И ушёл — быстро, не оглядываясь, растворяясь в толпе с той лёгкостью, с которой умеют исчезать люди, привыкшие не привлекать лишнего внимания.

⁂

МФЦ на Казанской, 45 оказался именно таким, каким и должен быть государственный МФЦ в центре Петербурга — длинная очередь тянулась вдоль стены, гудел флуоресцентный свет, пахло бумагой и множеством чужих судеб, прошедших через эти двери.

Они сидели втроём на неудобных пластиковых стульях, ожидая своей очереди. Иван листал телефон, изредка хмыкая чему-то на экране. Майя смотрела в одну точку перед собой — куда-то на стену с объявлениями, хотя явно не читала ни одного из них. Кирилл разглядывал людей вокруг — обычные лица, обычные дела, обычная суета обычной жизни. Никто из них не знал, кто сидит рядом. Пока не знал.

Когда подошла их очередь, всё прошло быстро и буднично — три личных дела, три новых паспорта, три подписи под документами, которые меняли их официальные имена, но не то, кем они были на самом деле.

Фамилию сменили ещё раньше, в процессе подготовки к переезду — сегодня оставалось только оформить бумаги, поставить печать, услышать глухой звук штампа, разрезающий тишину казённого кабинета.

Отчество оставили прежним. Романович. Романовна. Небольшая деталь, но именно она позволяла сохранить хоть что-то от человека, чьё имя они больше не могли носить открыто.

⁂

Уже на выходе позвонил Сергей снова — коротко объяснил дорогу до таксопарка, до автобусного парка, до стоянки дальнобойщиков. Не объяснял зачем показывает эти места, просто показывал — как человек, прокладывающий маршрут заранее, на случай если он понадобится.

— В Тольятти поедете? — спросил он под конец разговора.

— Когда? — уточнил Кирилл.

— Сейчас. К брату моему. Пакет передадите.

— Что в пакете?

Пауза на другом конце линии.

— Пакет. Просто передайте.

Иван вопросительно посмотрел на Кирилла. Тот посмотрел на Майю. Майя уже смотрела в сторону дороги, туда где ждала машина — как будто решение было принято раньше, чем прозвучал вопрос.

— Едем, — сказал Кирилл.

> **Из дневника.** *День 1. Питер. Фамилию сменили. Отчество — нет. Пусть хоть что-то останется от него. Сергей дал денег. Направил в Тольятти. Что в пакете — не сказал. Едем.*

Дорога

Мерс стоял на парковке возле МФЦ — тёмный, ухоженный, единственная машина, которую они привезли с собой из прошлой жизни. Тольятти ждал впереди — тысяча километров, трасса М11 до Москвы, затем поворот на Самару. При хорошем раскладе часов четырнадцать без остановок, при плохом — больше.

Кирилл сел за руль. Иван устроился рядом, привычно откинув спинку сиденья. Майя заняла место сзади, где сразу достала телефон и погрузилась в чтение чего-то, не поднимая головы.

За окном мелькал Питер — их Питер, узнаваемый до последней детали. Дома, которые помнили их детьми. Улицы, по которым они бегали в другой жизни, под другой фамилией. Дворы, где начиналось всё хорошее — и где однажды всё сломалось окончательно.

Иван смотрел в окно молча, разглядывая проносящиеся мимо здания с тем выражением лица, которое появлялось у него только в моменты настоящей задумчивости — редкие, но заметные. Майя тоже молчала, хотя было непонятно, смотрит она в телефон или просто прячет взгляд за экраном.

Кирилл вёл машину, не оборачиваясь. Иногда возвращение домой оказывается самым тяжёлым испытанием — тяжелее любой дороги, любого расстояния. Когда город наконец остался позади, растворившись в зеркале заднего вида, все трое одновременно, не сговариваясь, чуть выдохнули — как будто их отпустило напряжение, о котором никто вслух не говорил.

⁂

Где-то после Новгорода, когда дорога стала совсем однообразной — поля, редкие посёлки, снова поля — Иван нарушил тишину.

— Что в пакете как думаешь? — спросил он, не отрывая взгляда от окна.

— Не думаю, — ответил Кирилл.

— Я думаю.

— И что?

— Ничего хорошего.

— Тогда зачем спрашиваешь.

Иван не ответил, просто пожал плечами и снова уставился в окно, будто ответ был не так важен, как сам факт разговора.

В зеркале заднего вида Кирилл заметил, как Майя чуть усмехнулась — едва заметно, одними уголками губ. Первая улыбка за весь день, за всю дорогу, за всё это долгое возвращение домой.

> **Из дневника.** *День 1—2. Трасса. Питер остался за спиной. Странно возвращаться домой и сразу уезжать. Иван думает о пакете. Я стараюсь не думать. Майя молчит и улыбается. Значит всё нормально.*

Юра
«Документы нужные»

Тольятти встретил их запахом бензина и той особой атмосферой девяностых, которая давно выветрилась из большинства других городов — не в плохом смысле, а как честность места, знающего своё прошлое и не пытающегося его скрыть за новой штукатуркой.

Навигатор привёл к обычной пятиэтажке, каких в этом городе были сотни — облупленная краска на стенах, узкий двор, ржавые качели у детской площадки. На капоте Мерса, стоило машине остановиться, немедленно расположился кот — крупный, серый, с видом абсолютного хозяина территории. Он посмотрел на приехавших без малейшего почтения, будто это они нарушали его личное пространство, а не наоборот.

— Третий этаж, — сказал Кирилл, сверяясь с адресом в телефоне.

— Пакет берёшь ты, — тут же заявил Иван.

— Почему я?

— Ты старший.

— Ты начальник.

— Я за рулём не был. Устал морально.

Пока братья препирались, Майя молча вышла из машины, взяла пакет с заднего сиденья и направилась к подъезду, не дожидаясь окончания спора. Кирилл с Иваном переглянулись.

— Она взяла, — заметил Иван.

— Вижу.

— Это хорошо или плохо?

— Зависит от того что внутри.

⁂

Дверь квартиры открыл мужчина в домашних тапочках и застиранной футболке с надписью «Рыбак года 2004» — брат Сергея, судя по семейному сходству, хотя более округлая, домашняя версия того же типа лица. За ним из глубины квартиры доносился запах свежесваренного борща, смешанный с чем-то уютно-застоявшимся, что бывает только в квартирах, где живут подолгу и никуда не спешат.

Юра оглядел троих гостей — быстро, без особого интереса, потом задержал взгляд на пакете в руках Майи. Кивнул своим мыслям.

— Сергей прислал?

— Да.

— Заходите.

В прихожей на стене висел календарь за две тысячи девятнадцатый год — судя по всему, никто не удосужился его снять просто потому что понравилась картинка месяца. Юра взял пакет, даже не заглянув внутрь, положил на полку рядом с ключами и мелочью — таким обыденным жестом, будто получал подобные пакеты каждый вторник на протяжении многих лет.

— Чай будете?

— Мы не зна… — начал было Иван.

— Будем, — перебил его Кирилл.

Иван удивлённо посмотрел на брата.

— Мы будем?

— Тысяча километров впереди, Иван. Будем.

⁂

За чаем, разлитым в разномастные чашки с выцветшими рисунками, Юра рассказывал о рыбалке на местном водохранилище, о соседе снизу, который третий год паркует машину поперёк двора, несмотря на все замечания, о том что борщ, по его глубокому убеждению, становится по-настоящему вкусным только на второй день после приготовления.

Майя слушала, держа кружку двумя руками, изредка поглядывая в окно на серый двор. Иван с явным удовольствием уплетал печенье, разложенное на блюдце посреди стола, с видом человека, внезапно обретшего смысл существования. Кирилл же не мог перестать поглядывать на полку в прихожей, где лежал загадочный пакет.

— Юра, — сказал он наконец, не выдержав. — Что в пакете?

Пауза.

— Документы.

— Какие документы?

— Нужные.

Иван перестал жевать. Майя отвернулась от окна, тоже прислушиваясь к разговору.

Юра допил чай одним глотком, поставил чашку на стол и поднялся, давая понять что тема закрыта.

— Сергей сказал — хорошие люди привезут. Вижу — хорошие. Спасибо что привезли.

Разговор действительно был окончен — это читалось в самой позе хозяина квартиры.

⁂

Пока они допивали чай, Иван внезапно исчез из-за стола, вернувшись минут через двадцать с явно чужими ключами в руке.

— Что это? — спросил Кирилл, разглядывая связку.

— Ключи.

— Вижу что ключи. От чего?

— От Волги.
— Иван.
— ГАЗ 2410. Чёрная, во дворе стоит.
— Откуда у тебя ключи от чужой Волги?
— Уже не чужой, — Иван произнёс это с явной гордостью. — Я выиграл.
— У кого.
— У деда во дворе. Сам предложил, на спор.
— На какой спор.
Иван почесал затылок, вспоминая детали.
— Он сказал что я не смогу отжаться пятьдесят раз. Я смог.
— И он просто отдал тебе машину?
— Сказал — если смогу, машина моя. Мужик слова оказался.
— Сколько раз ты отжался?
— Сто двадцать три. Перестраховался.
Майя, слушавшая весь этот диалог с растущим недоумением, наконец не выдержала.
— Дед во дворе просто так поставил на кон Волгу, — произнесла она ровным голосом, будто пытаясь уложить в голове абсурдность ситуации.
— Ну.
— За отжимания.
— Пятьдесят раз. Он не думал что смогу.
— И ты смог сто двадцать три.
— Перестраховался, — повторил Иван с достоинством.

⁂

Во дворе действительно стояла чёрная Волга — старая, но ухоженная, с номерами А514ХК52, зажатая между ржавым Жигулёнком и велосипедом без переднего колеса. На их фоне она выглядела почти аристократично, как случайный гость на вечеринке в неподходящей компании. На переднем сиденье, необъяснимым образом, лежал обычный школьный транспортир.
— Зачем деду транспортир? — спросил Иван, разглядывая находку.
— Это уже не наше дело, — ответил Кирилл, направляясь к машине. — Едем.

Из дневника. *День 2. Тольятти. Квартира Юры. Борщ у Юры хороший. Документы нужные. Кот чужой — но с характером. Иван выиграл Волгу за 123 отжимания. Дед слова держит. На сиденье транспортир. Происхождение неизвестно.*

Машины
«Патина»

Из двора Юры выехали уже на двух машинах — Мерс впереди, Волга следом, за рулём которой сидел Иван с выражением лица человека, только что получившего наследство от богатого дядюшки. Каждые несколько минут он находил повод связаться с братом по телефону, будто не мог сдержать восторга от новоприобретённого транспорта.
— Как она? — спросил Кирилл в один из таких звонков.
— Мурчит, — с гордостью ответил Иван.
— Это двигатель стучит.
— Мурчит, говорю.

⁂

На светофоре возле территории АвтоВАЗа Майя первой заметила нечто странное у обочины.

— Вон та, — сказала она, кивая в сторону припаркованной машины.

Белая Ока стояла там с таким видом, будто была оставлена навсегда — не просто припаркована, а именно брошена, забыта, списана из чьей-то жизни. На лобовом стекле под дворником белел листок формата А4.

Майя вышла, подошла ближе, прочитала записку, вернулась в машину.

— Что там? — спросил Кирилл.

— «Забирайте. Надоела».

Пауза.

— И всё?

— Ключи в выхлопной трубе.

Иван, услышав это по громкой связи, немедленно начал названивать куда-то, явно затевая очередную авантюру.

— Ты кому звонишь? — поинтересовался Кирилл.

— Договариваюсь.

— С кем.

— С товарняком.

— Иван, мы стоим на светофоре в Тольятти.

— Зелёный, кстати, — заметила Майя со своего места.

Через три минуты Иван действительно договорился — Ока поедет в Питер отдельным маршрутом, в вагоне с углём, вместе с прочим грузом. Ключи достали из выхлопной трубы, машину загнали куда указал знакомый Ивана, и колонна двинулась дальше.

⁂

У Монумента Победы, уже на подъезде к Питеру, поздним вечером обнаружился ещё один сюрприз — чёрный V-class с номерами В098МВ177, рядом с которым прохаживался мужчина в кожаной куртке, всем своим видом излучающий уверенность человека, полностью контролирующего ситуацию.

Иван, разумеется, немедленно выбрался из машины.

— Иван, — предупреждающе окликнул Кирилл.

— Я просто поговорю.

— Ты так же говорил про отжимания.

— И всё хорошо получилось.

Разговор затянулся минут на десять, после чего в дело пошли карты. Три раунда — первый выиграл владелец V-class, следующие два достались Ивану. Проигравший долго и мрачно разглядывал свои карты, будто надеялся, что цифры на них изменятся сами собой, потом молча протянул ключи и уехал на подъехавшем такси.

— Он блефовал на каждой руке, — прокомментировал Иван, вернувшись к остальным. — Было очевидно.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кирилл.

— Он моргал.

— Иван, все моргают.

— Не так, — уверенно заявил тот.

Майя тем временем уже осматривала новоприобретённый автомобиль изнутри, проверяя салон с деловитостью человека, принимающего важное решение.

— Моя, — сказала она наконец, вешая ключи себе на палец.

— Почему твоя? — возмутился Иван.

— Потому что я молчала пока вы двое творили что попало.

Возразить на этот аргумент было решительно нечего.

⁂

В Питер въезжали уже настоящей колонной — впереди V-class Майи, следом Мерс, замыкал шествие Иван на Волге с транспортиром неизвестного назначения на переднем сиденье. Ока в это время благополучно ехала своим отдельным маршрутом, засыпанная угольной крошкой.

Когда телефон Ивана пискнул очередным сообщением, он с довольным видом сообщил новости.

— Ока едет, — сказал он в трубку. — Уже недалеко.

— В вагоне с углём, — уточнил Кирилл.

— Доедет.

— Она будет вся чёрная.

— Патина, — коротко резюмировал Иван.

Майя, слышавшая этот разговор по громкой связи, молча закрыла окно своего V-class, не найдя нужным как-либо комментировать происходящее.

> **Из дневника.** *День 2. Въезд в Питер. Уехали на одной машине. Вернулись на трёх. Четвёртая едет в угольном вагоне. Иван говорит патина. Монумент Победы остался позади. Питер впереди. Завтра встречаемся с Рублёвым.*

Глава II. Новая жизнь

Адмиралтейство

Утро было холодным той особой петербургской сыростью, которая не зависит от температуры — просто город умеет источать влагу даже в ясный день.

Кирилл увидел Рублёва издалека. Тот стоял у гранитного парапета, спиной к дороге, руки в карманах длинного чёрного пальто — неподвижный, будто врос в это место. За ним, через Неву, золотой шпиль Адмиралтейства резал утреннее небо.

Шаги троих звучали на пустой набережной гулко. Майя шла чуть впереди, как всегда.

Рублёв не обернулся, когда они приблизились.

— Слышал вы из Тольятти на четырёх машинах вернулись, — сказал он, не отрывая взгляда от воды.

— На трёх, — сказал Кирилл, остановившись в паре шагов позади. — Четвёртая едет.

— Как едет?

— В угольном вагоне.

Он наконец повернулся — медленно, всем корпусом. Тот же чёрный костюм под пальто. Те же тонкие очки. Та же манера смотреть — будто считывая с собеседника информацию, а не просто разглядывая.

— Слышал вы фамилию сменили, — сказал он без осуждения, просто констатируя.

— Пора было.

— Кирсановы.

— Кирсановы.

Рублёв помолчал, глядя внимательно — и в этом взгляде читалось принятие. Не стал спрашивать зачем.

— Харвей… — начал он.

— Да, — сказал Кирилл коротко, не давая фразе развернуться.

Больше про Харвея не говорили. Ветер с Невы усилился на секунду.

⁂

— Шувалов, — сказал Кирилл наконец.

— Шувалов, — подтвердил Рублёв. Голос стал собраннее. — Ты уже в курсе.

— Догадался. Ты не просто так в Питере.

Он достал телефон, протянул экран. Иван наклонился через плечо брата.

— Серьёзно, — сказал Иван тихо. Без обычной иронии.

— Очень, — ответил Рублёв, забирая телефон.

Майя повернулась к ним всем корпусом.

— Что нужно делать? — спросила она прямо.

— То что вы умеете. Держать порядок. Только теперь не в армии.

— В политике.

— В системе. Политика — это просто название.

⁂

Иван усмехнулся — впервые за разговор.

— Ты всегда умел красиво формулировать.

— Ты всегда умел выигрывать машины за отжимания, — парировал Рублёв, хотя уголки его губ дрогнули. — У каждого свой талант.

— Мы внутри, — сказал Кирилл. — Давно внутри. Просто ждали, когда позвонишь.

— Я знал что дождусь.
— Самоуверенно.
— Расчётливо.
— Разница?
— В результате.

⁂

— Когда начинаем? — спросил Иван, засунув руки в карманы от утреннего холода.
— Вы уже начали. Когда сели в машину и поехали в Тольятти с чужим пакетом.
— Что было в пакете? — спросил Кирилл.
— Документы.
— Какие.
— Нужные.
— Юра тоже так сказал, — заметил Иван.
— Я знаю, — ответил Рублёв спокойно.

Нева текла мимо, неся редкие баржи. Кирилл смотрел на воду ещё несколько секунд после того, как разговор закончился.

> **Из дневника.** *День 3. Адмиралтейство. Рублёв не изменился. Про Харвея не говорили — и правильно. Документы. Нужные. Мы внутри. Давно были внутри.*

ЦГБ №34

ЦГБ №34 стояла на Петроградке — старое здание с высокими потолками, где даже воздух казался тяжелее от многолетнего запаха хлорки и типографской пыли старых медицинских карт. Стены здесь помнили ещё советских хирургов, и это ощущалось в каждой детали — от лепнины на потолке до истёртых до блеска перил на лестнице.

Каспер встретил их у входа — невысокий, подвижный человек в белом халате поверх костюма, с глазами, которые двигались быстрее, чем остальное тело, будто он успевал считать информацию о собеседнике за первые несколько секунд знакомства.

— Слышал, вы из армии, — сказал он, ведя их по коридору быстрым, деловым шагом.
— Было дело, — ответил Кирилл, стараясь не отставать.
— И медицинское образование есть.
— Есть.
— Хорошо. У меня дыры в расписании. — Каспер остановился на секунду у одной из дверей, заглянул внутрь, снова пошёл дальше. — Скорая без лечащего третью неделю. Интернатура вообще отдельная история.

Иван, шедший чуть позади, оживился при этих словах.

— Что с интернатурой?
— Заведующий ушёл в январе, — Каспер сделал паузу, будто подбирая слово поточнее. — Интерны предоставлены сами себе. Это… заметно.
— Насколько заметно?
— Один поставил капельницу в артерию на прошлой неделе.

Иван закрыл глаза на секунду, будто эта информация физически причиняла ему боль.

— Я понял. Когда выходить?

⁂

Они прошли дальше — через приёмный покой, где пахло антисептиком и усталостью, мимо ординаторской с включённым телевизором в углу, к дверям скорой помощи, откуда доносился звук заезжающей машины.

Майя с ними не пошла — осталась в машине, глядя в окно с тем отстранённым видом, который появлялся у неё всякий раз, когда обсуждались вещи, не касавшиеся напрямую её работы.

— Она тоже врач? — спросил Каспер, кивнув в сторону оставшейся машины.

— Нет.

— Военная полиция, — добавил Иван.

— А, — сказал Каспер коротко, и больше не спрашивал — только на мгновение задержал взгляд, отмечая деталь про себя.

⁂

В конце экскурсии Каспер остановился у окна ординаторской, откуда открывался вид на внутренний двор больницы — унылый, заставленный старыми каталками и ржавыми урнами.

— Условия скромные, — сказал он, не оборачиваясь. — Платят нормально. Работы много. Люди хорошие.

— Это предложение? — спросил Кирилл.

— Это факты. — Каспер наконец повернулся, посмотрел на обоих братьев прямо. — Предложение звучит так: выходите в понедельник.

Иван кивнул, уже мысленно прикидывая расписание.

— Кофемашину почините? — спросил он вдруг.

Каспер помолчал секунду, будто взвешивая масштаб этой просьбы наравне с более серьёзными вопросами.

— Договорюсь.

— Тогда в понедельник.

⁂

Когда они вышли на улицу, где воздух после больничной духоты казался особенно свежим, Майя сидела на капоте Волги, скрестив руки, разглядывая проходящих мимо людей.

— Ну? — спросила она, не поднимая глаз.

— Работаем.

— Где?

— Скорая и интернатура.

— Долго?

— Пока Рублёв не скажет, что дальше.

Она слезла с капота, отряхнула куртку.

— Кофемашину починят? — спросила она вдруг.

— Ты же в машине сидела, — заметил Иван.

— Окно было открыто.

> **Из дневника.** *День 4. ЦГБ №34. Каспер — человек дела. Говорит коротко, думает быстро. Интерн поставил капельницу в артерию. Иван уже мысленно в интернатуре. Я — на скорой. В понедельник выходим. Ока всё ещё едет.*

Первый день

Понедельник начался ровно в шесть утра — раньше, чем требовалось, но Кирилл давно привык просыпаться загодя, особенно перед чем-то новым. Кофемашину в ординаторской действительно починили, как и обещал Каспер: слово своё он держал, что уже говорило о многом.

Из-за стены доносился голос Ивана, привычно уверенный даже в самой абсурдной ситуации.

— Итак. Кто мне скажет, зачем нужна капельница.

Тишина.

— Кто-нибудь?

Снова тишина, ещё более выразительная, чем предыдущая.

— Господи.

Кирилл допил кофе, поставил чашку в раковину и отправился на смену — туда, где его ждала совершенно другая рутина, куда более предсказуемая, чем воспитание нерадивых интернов.

⁂

Первый вызов привёл его на Васильевский остров — пожилой мужчина, жалобы на давление. Дед сидел за кухонным столом, невозмутимо попивая чай, будто вызов скорой был чем-то совершенно случайным, не имеющим отношения к его текущему состоянию.

— Давление? — уточнил Кирилл, доставая тонометр.

— Было. Само прошло.

— Тогда зачем вызвали скорую?

— Внучка вызвала. Она волнуется.

— А вы сами как?

— А я чай пью.

Измерения показали норму. Кирилл выписал таблетки — скорее для порядка, чем по необходимости. Дед принял рецепт с той же невозмутимостью, убрал его в кухонный ящик, где, судя по количеству похожих бумажек, скопилась уже целая аптека неиспользованных назначений.

— Пейте регулярно, — сказал Кирилл на прощание.

— Конечно, — ответил дед с интонацией человека, твёрдо намеренного этого не делать.

⁂

После обеда поступил куда более серьёзный вызов — мужчина пятидесяти двух лет, остановка сердца. Реанимационные действия заняли несколько напряжённых минут, но результат того стоил: пациента удалось стабилизировать и довезти до больницы живым.

Уже в машине, придя в сознание, мужчина неожиданно поинтересовался:

— Доктор, мне можно будет пить пиво?

— Нет, — коротко ответил Кирилл.

— Совсем?

— Вы только что чуть не умерли.

— Ну и что. Жить-то надо.

Кирилл посмотрел на него с той смесью усталости и уважения, которую обычно вызывают пациенты, не желающие менять образ жизни ни при каких обстоятельствах.

— Таблетки будете пить? — спросил он.

— Буду, — неожиданно серьёзно ответил мужчина.

— Тогда живите.

⁂

Вечером Иван заглянул в ординаторскую — уставший, но довольный собой той особой усталостью, которая приходит после дня, проведённого в борьбе с некомпетентностью.

— Как прошло? — спросил он.

— Выдавал таблетки, реанимировал, — коротко резюмировал Кирилл.

— Я весь день объяснял что такое анамнез.

— Помогло?

— Один умудрился перепутать дозировку. Другой до сих пор не знает что такое анамнез. Третья боится пациентов.

— Боится? В каком смысле?

— Говорит, они смотрят на неё осуждающе.

— Иван, это же обычные больные люди.

— Я ей то же самое сказал, — Иван развёл руками, будто снимая с себя всякую ответственность за странности подопечных.

Он уже собирался уходить, но у двери обернулся.

— Кстати. Ока в пути. Сортировочная обещала привезти в среду.

— И как она?

— Говорят, пахнет углём даже по телефону.

— Отмоешь?

Иван на секунду задумался, будто взвешивая варианты.

— Патина, — заключил он наконец. — Пусть так ездит.

Дверь за ним закрылась, оставив Кирилла наедине с мыслями о первом дне новой жизни, который, несмотря на все странности, прошёл вполне удачно.

> **Из дневника.** *День 7. ЦГБ №34. Выдавал таблетки. Реанимировал. Мужик после реанимации спросил можно ли пиво. Сказал нет. Иван учит интернов что такое анамнез. Ока на подходе. Иван говорит патина. Рублёв пока молчит. Работаем.*

Ока приехала

Звонок застал Кирилла в среду утром, посреди борьбы с очередной поломкой кофемашины — руки в кофейной гуще, настроение соответствующее моменту.

— Киря. Ока приехала.

— Знаю. Ты говорил.

— Нет, ты не понимаешь. Она приехала. Прямо сейчас. Я стою на сортировочной станции.

— Так забирай.

— Я уже забрал. Еду к тебе.

— Хорошо.

Пауза на другом конце линии, будто Иван подбирал слова для чего-то важного.

— Кирилл.

— Что?

— Она очень чёрная.

⁂

Иван появился минут через сорок — и то, что он привёз, действительно заслуживало отдельного описания. Ока была угольно-чёрной равномерно, по всему кузову, будто её специально покрасили именно в этот оттенок, без единого светлого пятна. При каждом движении

из выхлопной трубы вылетало небольшое облачко угольной пыли, оставляя за машиной едва заметный шлейф.

Прохожие на тротуаре останавливались, провожая эту процессию взглядом. Один пожилой мужчина даже перекрестился, будто увидел нечто из области сверхъестественного.

— Ну как? — спросил Иван, останавливая машину и явно ожидая комплиментов.

— Иван.

— Что.

— На тебя смотрят.

— Пусть смотрят. Машина приехала, — гордо заявил он, будто сам факт прибытия перевешивал все эстетические соображения.

⁂

Буквально через минуту рядом остановился патрульный автомобиль. Инспектор вышел, внимательно осмотрел Оку, перевёл взгляд на Ивана, снова уставился на машину — с тем выражением лица, которое бывает у людей, столкнувшихся с чем-то не вписывающимся в привычную картину мира.

— Документы, — попросил он наконец.

— Пожалуйста, — с готовностью протянул Иван.

Патрульный изучал бумаги долго, явно сверяя написанное с увиденным и не находя логической связи между ними.

— Это ваша машина?

— Моя.

— Она… всегда такая?

— Патина, — спокойно пояснил Иван.

— Это не патина.

— Эстетика.

— Это уголь.

— Откуда уголь? — искренне удивился Иван, изобразив такое неподдельное недоумение, что инспектор на секунду действительно засомневался в очевидном.

В итоге документы вернули без дальнейших вопросов, патрульный сел в машину и уехал, явно решив, что некоторые загадки лучше оставить нераскрытыми.

— Видишь? Всё нормально, — резюмировал Иван с явным удовлетворением.

— Иван, её всё-таки надо помыть.

— Патина, — повторил он тем тоном, который не оставлял пространства для дальнейшей дискуссии.

Из дневника. *Ока приехала. Чёрная. Иван говорит патина. Патрульный не нашёл слов. Я тоже.*

Ординаторская
«Секрет»

Каспер зашёл в ординаторскую в среду после обеда — тихо, без предупреждения, тем шагом, каким обычно двигаются люди, привыкшие появляться неожиданно. Кирилл сидел спиной к двери, полностью погружённый в работу — перед ним на столе лежали две ампулы, шприц с тонкой иглой и небольшой медицинский набор, разложенный с той методичностью, которая выдавала многолетнюю привычку к подобным процедурам. Шагов он не услышал.

— Кирилл Романович.

Голос застал его врасплох, но реакция была отработана годами — никакого вздрагивания, только плавное, почти незаметное движение, которым он убрал всё содержимое стола в карман халата. Повернулся спокойно, будто ничего особенного не происходило.

Каспер стоял в дверном проёме, взгляд его на мгновение задержался на том месте, где секунду назад лежал набор, потом переместился на лицо Кирилла — внимательный, изучающий, но пока без явных обвинений.

— Да? — спросил Кирилл ровным голосом.

— Я… хотел спросить про расписание на пятницу.

— Пятница свободна.

— Хорошо.

Однако уходить он явно не спешил — стоял в дверях, будто взвешивая, стоит ли продолжать разговор дальше.

— Андрей Михайлович, — произнёс Кирилл, решив не тянуть неловкую паузу. — Вы хотите спросить что-то ещё.

Долгая пауза, во время которой Каспер, казалось, подбирал правильные слова.

— Что вы делали? — спросил он наконец.

— Медицинские процедуры.

— Себе?

— Да.

— Какие, если не секрет?

— Секрет, — просто ответил Кирилл, без тени смущения или извинения в голосе.

⁂

Каспер разглядывал его ещё секунд десять, будто пытаясь считать больше информации через одно лишь молчание. Потом коротко кивнул, принимая ответ таким, каким он прозвучал.

— Хорошо. Пятница свободна.

Он развернулся к выходу, но через минуту вернулся — уже с другим выражением лица, более серьёзным.

— Кирилл Романович.

— Да.

— Вы в порядке?

— Да.

— Точно?

— Андрей Михайлович, я лечащий врач. Если бы был не в порядке — я бы знал об этом раньше вас.

Каспер снова кивнул, медленнее на этот раз, и вышел окончательно. Кирилл слышал, как его шаги замерли в коридоре, — Каспер явно на секунду остановился, обдумывая что-то, прежде чем продолжить свой путь дальше по отделению.

Умный человек, подумал Кирилл, возвращаясь к отложенным делам. Понял, что некоторые вопросы лучше не задавать напрямую. Пока.

Из дневника. *Каспер видел набор. Спросил — ответил честно. Секрет. Он принял. Умный человек. Но запомнил — это точно.*

Жалоба

«Дозировку амоксициллина надо знать»

Каспер вызвал Кирилла к себе в четверг, сразу после обеденного перерыва. На столе перед ним лежал одинокий лист бумаги, который он молча пододвинул навстречу вошедшему.

— Кирилл Романович. На вашего брата подали жалобу.

— Кто?

— Интерны.

— Все?

— Трое из пяти.

Каспер взял листок обратно, начал зачитывать вслух, будто хотел убедиться, что каждое слово будет услышано правильно.

— «Иван Романович систематически подавляет нашу инициативу, запрещает пользоваться телефонами во время лекций, заставляет отвечать устно без подготовки и однажды заставил одного из нас простоять у доски сорок минут, пока тот не вспомнил дозировку амоксициллина».

— Это всё?

— Нет. «Также он сказал что мы выбрали не ту профессию. Троим из нас».

— Он сказал это всем троим?

— Судя по документу — каждому лично, в разное время, — Каспер отложил бумагу в сторону.

⁂

— Андрей Михайлович, — начал Кирилл после недолгой паузы.

— Да.

— Дозировку амоксициллина действительно нужно знать наизусть.

— Соглашусь.

— И запрет на телефоны во время лекций — это разумно.

— Тоже соглашусь.

Каспер молча взял злополучный листок, аккуратно сложил его пополам, затем ещё раз, и без особых церемоний отправил в мусорную корзину под столом.

— Передайте брату, что дозировку я тоже лично проверю у всех интернов. И пусть не говорит им напрямую, что они выбрали не ту профессию.

— Он говорит это только тем, кто действительно ошибся с выбором.

— Кирилл Романович.

— Да?

— Я понимаю его логику. Но пусть формулирует помягче.

Кирилл на секунду задумался, потом решил зайти с другой стороны.

— Андрей Михайлович, вы видели того интерна, который поставил капельницу в артерию?

Каспер прикрыл глаза, будто заново переживая тот эпизод.

— Это был один из трёх жалобщиков?

— Все трое отличились. Разные капельницы, разные пациенты — но Иван успевал перехватить каждый раз.

— Идите работать, — тихо произнёс Каспер, давая понять, что разговор закончен.

⁂

Вечером Кирилл пересказал разговор Ивану — тот выслушал с явным удовлетворением.

— Жалобу порвал? — уточнил он.

— Да.

— Правильно сделал. Амоксициллин — это база, без вариантов.

— Иван, всё-таки постарайся говорить мягче.

— Я и так мягко говорю.

— Ты сказал троим что они выбрали не ту профессию.

— Потому что они действительно её выбрали.

— Попробуй иначе.

— Как например? «Возможно, вам стоит рассмотреть другие варианты карьеры»?

— Уже лучше.

— Но неправда же.

— Иван.

— Ладно, ладно. Буду мягче, — сдался он наконец, явно не до конца веря в необходимость этой уступки.

На следующий день эксперимент прошёл своё первое испытание — четвёртому интерну Иван объявил, что тот «перспективный, но требует доработки». По местным меркам это можно было засчитать как настоящий прогресс.

> **Из дневника.** *Трое интернов написали жалобу на Ивана. Каспер порвал бумагу не глядя. Иван обещал быть мягче. Сказал четвёртому «перспективный, но требует доработки» — для него это уже комплимент. Интерн, кажется, не до конца понял, стоит ли радоваться.*

Глава III. Север держит слово

Две реки

Нева встретила их в тот мартовский день неласково — резким, пронизывающим ветром с залива, тем самым, который местные жители безошибочно узнают по особому холоду, забирающемуся под куртку независимо от того, насколько тепло одет человек. Набережная после недавнего дождя блестела мокрым асфальтом, отражая тусклый свет фонарей, только что зажёгшихся в сгущающихся сумерках.

Иван шёл впереди, погружённый в телефон — набирал сообщение кому-то из отдела, не глядя под ноги, полностью сосредоточенный на экране. Кирилл держался чуть позади, наблюдая за братом с той смесью раздражения и веселья, которая обычно предшествовала очередной его выходке.

— Иван, — позвал Кирилл, подходя к краю и заглядывая вниз.

— Я в порядке, — донеслось снизу, немного приглушённо из-за воды, стекающей по лицу.

— Вижу.

— Телефон цел.

Кирилл невольно фыркнул, разглядывая брата, стоявшего по грудь в холодной невской воде, но при этом сосредоточенно державшего телефон высоко над головой обеими руками — с той серьёзностью, с какой обычно держат нечто более ценное, чем собственная жизнь.

— Тоже вижу, — сказал он. — Помоги вылезти.

⁂

Иван выбрался на набережную мокрым насквозь, с волос текла вода, форма прилипла к телу, а на лице было выражение абсолютного, невозмутимого спокойствия — будто ничего необычного не произошло, будто падение в холодную мартовскую реку было обычной, запланированной частью его дня.

Мимо, как назло, проходила женщина с собакой на поводке. Пёс остановился напротив мокрого Ивана, наклонил голову набок и издал короткий, недоумевающий лай.

— Сам такой, — невозмутимо отозвался Иван, отжимая рукав куртки.

Женщина ускорила шаг, явно не желая выяснять подробности этой странной сцены.

— Видишь? Всё нормально, — заявил Иван, оглядываясь на Кирилла с видом человека, только что успешно завершившего важную операцию.

— Иван, тебе нужно переодеться.

— Это закалка, — отрезал тот с той характерной интонацией, которая не оставляла места для дальнейших споров.

⁂

Волга-река встретила их совсем иначе — спустя месяц, уже в апреле, во время долгой дороги в Тольятти, когда они остановились размяться на высоком, поросшем травой берегу. Солнце светило по-весеннему ярко, но воздух ещё сохранял утреннюю прохладу, а вода внизу казалась особенно тёмной, глубокой, притягательной именно своей недоступностью.

Иван, разумеется, тут же направился к самому краю обрыва, явно намереваясь рассмотреть реку поближе.

— Иван, — предупреждающе произнёс Кирилл.

— Просто посмотрю.

— Берег крутой.

— Я вижу.

— Иван.

— Кирилл, я взрослый человек, я прекрасно—

Договорить он не успел. Всплеск разнёсся над рекой громче, чем над Невой месяцем раньше — сказывалась высота обрыва.

Майя, стоявшая чуть в стороне и разглядывавшая пейзаж, повернула голову на звук с тем спокойствием, которое приходит только после многократного повторения одной и той же ситуации.

— Снова? — спросила она, подходя к краю обрыва вместе с Кириллом.

— Снова.

⁂

Иван выбрался на берег, цепляясь за торчащие корни, весь в тине и мокрой глине, но всё так же держа телефон высоко над водой — на этот раз почти торжественным жестом, будто демонстрируя трофей после успешной охоты.

Майя протянула ему руку, помогая преодолеть последний, самый крутой участок склона.

— Спасибо, — сказал он, отряхиваясь.

— Не подходи к воде, — произнесла она тоном, не терпящим возражений.

— Это река. Она сама подошла, — резонно заметил Иван, отжимая мокрую штанину.

— Иван.

— Что.

— Не подходи к воде.

Он на мгновение задумался, будто взвешивая аргументы обеих сторон этого спора, потом коротко кивнул.

— Хорошо.

Кирилл наблюдал за этой сценой с тем странным чувством, которое накапливалось у него уже не первый месяц — смесью беспокойства и почти нежной иронии. Он всё чаще ловил себя на мысли, что Иван, кажется, специально бережёт всё, что можно уберечь, — телефон, документы, чужие интересы — но собственную безопасность воспринимает как нечто второстепенное, само собой разумеющееся.

> **Из дневника.** *Иван упал в Неву. Телефон цел. Иван упал в Волгу. Телефон цел. Начинаю думать, что он специально бережёт всё, что можно уберечь. Себя — нет. Себя — как получится.*

Шаурма

Звонок застал Кирилла в самый разгар очередной битвы с кофемашиной, которая снова забарахлила именно в тот момент, когда чашка кофе казалась единственным, что могло спасти пятничный день. Руки были по локоть перепачканы кофейной гущей, настроение соответствовало ситуации — раздражённое, на грани терпения.

Экран телефона высветил имя Рублёва.

— Александр.

— Кирилл. Срочно.

Голос звучал напряжённо, отрывисто — та интонация, которая обычно предвещала действительно серьёзные новости.

— Слушаю.

— Ты сейчас в Питере?

— Да. На работе.

— Хорошо. Вопрос важный.

— Говори.

Повисла пауза — короткая, но достаточно многозначительная, чтобы Кирилл замер, забыв про кофейную гущу на пальцах.

— Где в Питере хорошая шаурма?

⁂

Кирилл медленно опустил трубку, посмотрел на разобранную кофемашину перед собой, потом снова поднял телефон к уху.

— Александр.

— Да.

— Ты сказал срочно.

— Это срочно. Я уже час езжу.

— Ты ищешь шаурму час?

— Хорошую шаурму. Это разные вещи, — в голосе Рублёва прозвучала абсолютная, непоколебимая серьёзность, будто он объяснял разницу между двумя противоположными философскими концепциями.

Кирилл невольно фыркнул, вытирая руки полотенцем.

— Сенная площадь. Там у метро. Справа, если выходить из первого вагона.

— Точно хорошая?

— Александр, ты меня оторвал от работы ради шаурмы.

— Ради хорошей шаурмы, — уточнил тот с прежней невозмутимостью. — Сенная. Первый вагон. Направо.

— Спасибо. Это важно.

⁂

Кирилл положил трубку, всё ещё удерживая на лице выражение лёгкого недоумения. В дверях ординаторской появился Иван, привлечённый странным выражением лица брата.

— Рублёв?

— Да.

— Срочное дело?

— Шаурма.

— Серьёзно? — Иван приподнял бровь, явно ожидая продолжения истории.

— Сенная площадь. Первый вагон. Направо.

Иван помолчал несколько секунд, обдумывая услышанное с той же серьёзностью, с какой обычно анализировал оперативные сводки.

— Хороший человек, — сказал он наконец, кивая своим мыслям.

— Да, — согласился Кирилл. — Хороший.

Через двадцать минут пришло сообщение от Рублёва — одино-единственное слово: Класс!!!

Кирилл посмотрел на экран, потом убрал телефон в карман, чувствуя, как раздражение от сломанной кофемашины постепенно уступает место чему-то более лёгкому, почти домашнему теплу.

> **Из дневника.** *Рублёв звонил срочно. Шаурма на Сенной. Первый вагон. Направо. Одобрил. Иногда важные люди звонят по важным делам. Иногда — по шаурме. Разницы почти нет.*

Флаг

Зал был пуст.

Не просто пуст — оставлен, забыт, как место, которое ещё не решило окончательно, суждено ли ему стать значимым или так и остаться заурядным помещением с высокими потолками и гулким эхом. Высокие окна пропускали ровный, безжизненный свет позднего вечера, а тишина здесь стояла особенная — плотная, ощутимая, будто впитавшаяся в саму штукатурку стен за годы бездействия.

Шаги Кирилла звучали слишком громко для такой тишины — каждый удар подошвы отдавался эхом, как отметка, как напоминание о том, что назад пути уже нет. Он шёл медленно, разглядывая пустые ряды кресел, тянущиеся к сцене, покрытой тонким слоем пыли, которую никто не удосужился протереть перед сегодняшним визитом.

Он остановился, не сразу поняв, что именно заставило его замедлить шаг. Потом увидел.

Флаг висел у дальней стены — неподвижный, тяжёлый, будто сотканный не из обычной ткани, а из чего-то более плотного, более весомого. Тёмно-синий цвет не отражал скудный вечерний свет, а поглощал его целиком, создавая иллюзию, что за этим полотнищем скрывается настоящая, непроницаемая темнота. В центре — золотая звезда, не яркая, не блестящая, а именно держащаяся — будто вросшая в ткань собственным весом, собственной значимостью.

— Слишком спокойный, — произнёс он тихо, обращаясь скорее к себе самому, чем к пустому залу.

Голос отозвался от стен и растворился где-то под потолком. Сзади послышались шаги — уверенные, ровные, без всякой спешки.

— Спокойствие — это не слабость.

Кирилл не обернулся, продолжая разглядывать неподвижную ткань флага.

— Это часто маска.

— А иногда — контроль.

⁂

— Это вы его сделали? — спросил Кирилл, наконец поворачиваясь.

Рублёв стоял в нескольких шагах, засунув руки в карманы длинного пальто, разглядывая флаг с тем же вниманием, что и Кирилл секундой раньше.

— Мы.

— Кто «мы»?

— Те, кто понимает: хаос удобен только до первого удара.

Кирилл слегка усмехнулся, хотя веселья в этой усмешке было немного.

— Красиво звучит.

— Это не про звук.

— Тогда про что?

Пауза, во время которой где-то за высокими окнами проехала машина, разрезав тишину на мгновение и снова оставив зал в прежней немоте.

— Про последствия.

⁂

Кирилл повернулся к нему полностью, разглядывая знакомую фигуру — тот же чёрный костюм, безупречно сидящий, та же уверенная осанка человека, привыкшего, что окружающие подстраиваются под его темп, а не наоборот.

— Символ, — сказал он, кивая на флаг за спиной. — Люди любят символы. Они простые.

— Люди любят ориентиры.

— Это не одно и то же.

— Для тех, кто потерял направление — одно.

Кирилл прошёлся вдоль первого ряда кресел, проводя пальцами по спинкам, покрытым тонким слоем пыли.

— И куда он ведёт?

— Вверх.

— Все так говорят.

— Не все поднимаются.

Он остановился, глядя прямо на Рублёва.

— Вы правда думаете, что это сработает?

— Нет.

Кирилл повернул голову, удивлённый прямотой ответа.

— Нет?

— Я знаю.

Коротко, без всякого пафоса, без излишней уверенности в голосе — просто констатация факта, будто речь шла о завтрашней погоде, а не о судьбе целого проекта.

— Самоуверенно.

— Расчётливо.

— Разница?

— В результате.

⁂

Кирилл снова обернулся к флагу, разглядывая золотую звезду, которая, казалось, смотрела не вверх и не вниз, а прямо вперёд, в невидимую точку где-то за пределами зала.

— Север, — произнёс он тихо.

— Да.

— Почему именно он?

— Потому что он не просит. Он держит.

Кирилл медленно кивнул, будто примеряя эту мысль на что-то более личное.

— Север держит страну…

Рублёв не стал продолжать фразу за него, предоставив закончить самому Кириллу.

— …мы держим слово.

⁂

Он развернулся к выходу, шаги снова зазвучали в тишине — на этот раз более уверенно, более ровно, чем при входе. У самой двери он остановился, не оборачиваясь.

— Спокойствие — это не контроль.

Пауза.

— Это момент перед движением.

Он толкнул дверь, и дневной свет коридора на мгновение ворвался в полутёмный зал, прежде чем дверь снова закрылась, отсекая его.

Флаг остался висеть неподвижно — тёмно-синий, тяжёлый, с золотой звездой, которая продолжала смотреть в свою невидимую точку, будто дожидаясь чего-то, что должно было произойти совсем скоро.

> **Из дневника.** *День 1. Тольятти 24. Флаг кривой — левый угол. Написал Ивану. Он ответил — патина. Я ответил — это флаг, а не Ока. Он не ответил.*

Съезд

Зал был заполнен — не до последнего свободного места, но настолько плотно, что воздух, казалось, стал гуще от одного только присутствия сотен людей. Разговоры стихли ещё до начала, будто каждый из присутствующих интуитивно понимал: здесь не место для случайных слов.

Свет был холодным, направленным сверху — он не столько освещал зал, сколько выхватывал из полумрака отдельные лица, оставляя тени глубже, чем они были бы при обычном освещении. И над всем этим возвышался флаг — тот самый, тёмно-синий, с медведем в центре, белым силуэтом, наклонённым вперёд с такой тяжёлой решимостью, что казалось, будто он вот-вот шагнёт со стены прямо в зал.

Кирилл стоял за кулисами, прислушиваясь не к отдельным словам, доносившимся из зала, а к самой тишине — плотной, наэлектризованной ожиданием.

— Готов? — спросил Иван, стоявший рядом со скрещёнными руками, глядя в щель между занавесями.

— Нет, — спокойно ответил Кирилл.

Иван усмехнулся, не оборачиваясь.

— Хороший ответ. Тогда почему ты здесь?

— Потому что они уже здесь.

⁂

— Галстук жмёт, — пожаловался Кирилл, оттягивая узел на шее.

— Сними.

— Нельзя, Иван. Я на съезде.

— На плацу хотя бы дышать можно было, — заметил тот с ностальгической ноткой в голосе.

Кирилл на секунду задумался, вспоминая пыльные построения прошлой жизни.

— Согласен. Но там не было медведя на флаге.

— Там был Коля, — парировал Иван. — Хуже.

⁂

Голос ведущего донёсся приглушённо, будто сквозь толщу воды:

— …и председатель Центрального совета…

Пауза, показавшаяся Кириллу неестественно долгой.

— …Кирилл Кирсанов.

Свет изменился — стал чуть резче, чуть жёстче. Кирилл шагнул из-за кулис, направляясь прямо к трибуне ровным, неспешным шагом, не глядя по сторонам, полностью сосредоточенный на цели впереди.

Когда он остановился за трибуной, зал стал ещё тише — до звенящей, почти невозможной тишины. Он не начал говорить сразу. Сначала посмотрел — медленно, внимательно, скользя взглядом по рядам, фиксируя не лица целиком, а глаза — тех, кто выдерживал этот взгляд, и тех, кто отводил его первым.

Третий ряд, крайний справа, не выдержал. Он машинально отметил это про себя, как деталь, которая могла пригодиться позже.

⁂

— Вы пришли слишком рано, — произнёс он наконец.

Тишина стала другой — настороженной, ожидающей.

— Или слишком поздно.

Пауза.

— Пока не решил.

Лёгкое движение прошло по залу — почти неуловимое, но он его почувствовал, как чувствуют перемену давления перед грозой.

— Вам сказали, что здесь начинается что-то новое, — продолжил он, чуть наклоняясь вперёд. — Это неправда.

Тишина стала жёстче, острее.

— Новое — это когда нет прошлого. У нас оно есть. И оно не закончилось.

⁂

— Вы пришли не за идеей, — сказал он, обводя взглядом центр зала. — Вы пришли за порядком. И это честно. Потому что хаос удобен, пока он не касается вас.

Он сделал короткую паузу, давая словам осесть.

— Мы не будем обещать вам свободу. Свобода без структуры — это иллюзия.

Ещё пауза.

— Мы не будем обещать вам силу. Сила без контроля — это разрушение.

Он положил ладонь на трибуну — спокойным, уверенным жестом.

— Мы будем строить систему. В которой каждый будет знать своё место. Свои границы. Свою ответственность.

⁂

Он поднял взгляд к флагу над собой, задержался на секунду, потом снова посмотрел в зал.

— Это неудобно, — сказал он. Пауза. — Это не быстро. Ещё пауза. — Но это работает.

⁂

Тишина. И вдруг — один хлопок, одинокий, где-то слева. Кирилл не повернул головы, не отреагировал внешне никак.

Через секунду — второй хлопок. Потом ещё. Аплодисменты начали нарастать волной, постепенно, неотвратимо, как прилив. Кто-то встал с места. Потом ещё один.

Кирилл стоял неподвижно, не принимая овацию и не останавливая её — просто ждал, пока зал сам примет решение, до какой степени готов идти за услышанным.

Когда аплодисменты достигли пика, он поднял руку — и зал замолчал почти мгновенно, с той дисциплинированной резкостью, которая говорила о многом.

— Теперь вы понимаете, — произнёс он. Пауза. — Это не партия.

Тишина.

— Это система.

Он сделал шаг назад, и медведь на флаге за его спиной будто стал резче, ближе.

— И вы уже внутри.

⁂

За кулисами Иван долго молчал, глядя на брата, выходящего со сцены.

— Неплохо, — сказал он наконец.

Для Ивана это была настоящая овация.

— Галстук снимаю, — заявил Кирилл, срывая узел, едва оказавшись за занавесом.

— Давно пора.

> **Из дневника.** *День 1. После съезда. Галстук снял. Зал хлопал. Иван сказал «неплохо». Для Ивана это овация. Харвей бы сказал что-то другое. Не знаю что. Теперь не узнаю.*

Предложение

Звонок раздался в четверг вечером, когда Кирилл только вернулся домой после долгой смены. За окном темнело быстро — по-осеннему, без переходов, будто кто-то резко убавил свет во всём городе разом. Номер на экране был незнакомым, с московским кодом, что само по себе уже настораживало.

Голос на том конце оказался вежливым до приторности — тем особым тоном, которым разговаривают люди, привыкшие, что их слушают внимательно вне зависимости от содержания сказанного. Он представился помощником Шувалова, упомянул интерес к недавнему съезду, предложил встретиться неофициально, по-дружески.

Кирилл слушал, машинально разглядывая тёмное окно кухни, за которым уже почти ничего не было видно, кроме собственного отражения.

⁂

Встреча состоялась на следующий вечер в ресторане на Невском — заведении настолько дорогом, что цены в меню принципиально отсутствовали, будто само упоминание конкретных цифр было бы неуместной вульгарностью. Мягкий приглушённый свет, тяжёлые бархатные шторы, официанты, двигающиеся почти бесшумно.

Виктор Сергеевич — так представился помощник — оказался невысоким мужчиной с идеально уложенными волосами и той специфической улыбкой, которая касалась только губ, оставляя глаза совершенно холодными, расчётливыми. Он говорил размеренно, обстоятельно, явно наслаждаясь звуком собственного голоса.

Разговор тянулся неторопливо — сначала общие фразы про перспективность, про правильную энергию, про потенциал объединения ресурсов. Иван за столом сидел неподвижно, выпрямив спину, глядя на собеседника тем немигающим взглядом, который у него появлялся только в моменты настоящего напряжения.

Кирилл слушал вполуха, наблюдая, как Виктор Сергеевич изящным движением поправляет манжету — жест, отточенный годами, столь же продуманный, как и всё остальное в этом человеке.

Когда прозвучал вопрос об отказе, Рублёв не сразу ответил — молча покрутил в пальцах бокал с водой, разглядывая, как преломляется в нём тусклый свет свечи.

— А если мы откажемся? — повторил он вопрос почти буднично.

Улыбка Виктора Сергеевича стала чуть шире, а тон — заметно мягче, что почему-то делало сказанное только более угрожающим.

⁂

Ответ был предсказуем, но от этого не менее тяжёлым — что-то про расстройство, про необходимость помочь переосмыслить решение, про разные подходы к разным ситуациям. Слова были обтекаемыми, но за ними отчётливо угадывались очертания угрозы, слишком явной, чтобы её можно было списать на простую вежливость.

Рублёв слушал молча, не перебивая, будто давал собеседнику полностью раскрыть карты. Потом медленно взял салфетку, промокнул губы этим неспешным, продуманным движением, вернул её на стол.

— Передайте Якову Игоревичу, что мы ценим его интерес, — сказал он наконец, глядя прямо на Виктора Сергеевича. — И что наш ответ — нет.

Тишина за столом стала плотнее — та особая тишина, что наступает после произнесённого решения, изменить которое уже нельзя.

Виктор Сергеевич поднялся, застёгивая пиджак одним точным, отработанным движением.

— Жаль, — произнёс он, уже без прежней теплоты в голосе. — Яков Игоревич не любит слово «нет».

— Я знаю, — ответил Рублёв. — Именно поэтому мы его и говорим.

⁂

Они ушли быстро, почти неслышно, оставив после себя лёгкий шлейф дорогого одеколона и невысказанной угрозы, повисшей в воздухе плотнее любого сигаретного дыма.

Иван проводил их взглядом до самых дверей, потом посмотрел на меню, так и оставшееся нетронутым на столе.

— Мы будем есть? — спросил он с надеждой, явно оценивая обстановку ресторана.

— Нет.

— Жалко. Тут хорошо готовят.

Кирилл только покачал головой, вставая из-за стола.

— Началось, — сказал Рублёв тихо, скорее самому себе, чем остальным, и первым направился к выходу.

> **Из дневника.** *Виктор Сергеевич улыбался весь разговор. Глаза не улыбались ни разу. Рублёв сказал нет. Иван хотел поесть. Я думал о том, что будет дальше. Ничего хорошего — это точно.*

Проверка

Понедельник начался с чужих голосов в коридоре — сухих, деловых, лишённых какой-либо теплоты. Трое в тёмных костюмах прошли мимо ординаторской, каждый с одинаковой чёрной папкой под мышкой, каждый с той характерной казённой невозмутимостью, которая безошибочно выдаёт представителей проверяющих органов.

Внеплановая проверка ЦГБ №34 — гласило официальное уведомление, доставленное всего за час до их появления, слишком поздно, чтобы что-то успеть скрыть, слишком рано, чтобы это выглядело простым совпадением.

Кирилл наблюдал за суетой в коридоре из окна ординаторской, отмечая напряжённые плечи Каспера, разговаривавшего с проверяющими у входа, — тот самый прищур, ту самую скованность в жестах, которую хорошо знающий человек безошибочно отличит от обычной деловой сдержанности.

Каспер зашёл спустя несколько минут, аккуратно притворив за собой дверь, будто это могло что-то изменить в уже происходящем.

Разговор вышел коротким, тихим, с той особой интонацией, которая появляется у людей, привыкших к дипломатии даже в моменты серьёзной тревоги. Каспер не задавал прямых вопросов, но и не скрывал понимания происходящего — только напомнил тихо, что чистая документация должна их спасти, если, конечно, повод действительно ищут искусственно.

⁂

Три дня проверки растянулись мучительно долго. Комиссия методично обходила отделения одно за другим, пересчитывала таблетки в шкафах, вчитывалась в каждую строчку журналов учёта с тем демонстративным вниманием, которое выдавало явное намерение найти хоть что-то, за что можно зацепиться.

Иван продолжал работать так, будто ничего необычного не происходило вовсе — та же требовательность к интернам, та же жёсткость в разборе ошибок. Единственное изменение в его поведении заметил только Кирилл: брат стал говорить чуть тише обычного, чуть более осторожно подбирал слова, когда речь заходила о посторонних людях в здании.

Один из интернов не выдержал напряжения на второй день — вышел из процедурного кабинета бледным, с трясущимися руками, вернулся спустя десять минут заметно спокойнее.

На третий день комиссия наконец покинула больницу, зафиксировав два незначительных нарушения — символических, почти формальных, будто искали действительно серьёзное, но так и не нашли ничего достойного внимания.

⁂

Вечером, когда суета окончательно улеглась, Каспер зашёл в ординаторскую с двумя чашками кофе — давно остывшего, но всё равно приготовленного как жест примирения после напряжённых дней.

Разговор получился коротким. Каспер сказал прямо, без обиняков: не хочет знать, чем занимаются братья помимо работы, но повторной проверки его больница не переживёт спокойно.

Кирилл кивнул, принимая это негласное условие как справедливое.

Когда Каспер ушёл, в дверях появился Иван — уставший, с тёмными кругами под глазами после трёх дней повышенного напряжения.

— Слышал? — спросил он тихо.

— Через стену.

— Правильный мужик.

Кирилл только молча кивнул, глядя на давно остывший кофе в своей чашке.

> **Из дневника.** *Три дня проверки. Два нарушения. Оба мелкие. Каспер всё понял — не спросил. Умный человек. Шувалов показал, что знает где мы работаем. Мы показали, что нам не страшно. Пока.*

Один из наших

Звонок раздался в среду вечером, когда Кирилл только заканчивал ужин, а за окном уже сгущались ранние осенние сумерки. Голос Рублёва звучал коротко, без обычной размеренности — той быстрой, сжатой интонацией, которая появлялась у него только в моменты действительно серьёзных новостей.

— Задержали Максима.

Кирилл отложил вилку, чувствуя, как внутри что-то напрягается.

— Когда?

— Час назад. Формально — административное. Реально — демонстрация.

— Где он?

— Отдел на Лиговском. Держат. Адвокат уже едет.

— Что от нас нужно?

— Ничего. Просто знайте.

Разговор оборвался так же резко, как начался. Кирилл ещё несколько секунд смотрел на потухший экран, прежде чем положить телефон на стол.

⁂

Иван сидел напротив, читая его лицо с той внимательностью, которая приходит только после многих лет совместной жизни.

— Максим? — спросил он тихо.

— Да.

— Надолго?

— До утра. Это не про Максима — это про всех остальных. Шувалов показывает, что может достать любого.

Иван поднялся, подошёл к окну, глядя на светящийся вечерний Питер — спокойный, равнодушный к тому, что происходило сейчас в чьей-то отдельной, отдалённой судьбе.

— Знаешь, что меня в этом бесит? — спросил он, не оборачиваясь.

— Что?

— Что он прав. Это работает. Люди видят — испугаются. Кто-то выйдет из партии.

— Не все, — заметил Кирилл.

— Не все. Но некоторые. И он это знает.

⁂

Они помолчали, наблюдая за далёкими огнями за окном, за редкими машинами, проезжающими по мокрому асфальту внизу.

— Мы не выйдем, — сказал наконец Кирилл, будто это утверждение требовало озвучивания вслух.

— Знаю, что мы не выйдем, — ответил Иван, всё ещё глядя в окно. — Я про других.

— Рублёв удержит.

Иван кивнул, соглашаясь, хотя в этом кивке чувствовалась не полная уверенность.

— Максима надо встретить утром, — сказал он наконец.

— Да.

— Я поеду.

— Я с тобой.

— Не надо. Ты на смене.

— Иван.

— Кирилл, один из нас должен работать. Каспер и так на нервах после проверки.

⁂

Кирилл кивнул, признавая логику этого решения, хотя внутренне хотел бы поехать сам. Иван взял куртку, уже стоя у двери, потом обернулся.

— И ещё, — сказал он.

— Что.

— Шувалов сказал: кто не с ним — того нахуй.

Пауза, во время которой было слышно, как за окном снова начинается тихий, мелкий дождь.

— Ну и нахуй его тогда, — сказал Иван просто, без всякого пафоса, и вышел, оставив дверь чуть приоткрытой.

Кирилл ещё долго сидел за столом один, слушая, как хлопнула входная дверь этажом ниже, как затих звук шагов на лестнице. Ужин перед ним давно остыл, но есть уже не хотелось. За окном дождь усиливался, размывая огни соседних домов в неровные, дрожащие пятна.

Он подошёл к окну, туда, где недавно стоял Иван, и долго смотрел на пустую, мокрую улицу внизу — туда, где должна была скоро появиться знакомая фигура, возвращающаяся с недоброй, но необходимой миссии.

> **Из дневника.** *Задержали Максима. К утру отпустят. Это не про Максима. Иван поехал встречать. Я остался на смене. Иван сказал всё правильно. Добавить нечего.*

Лично

Это случилось в четверг, когда они с Иваном возвращались с очередного заседания пешком, решив пройтись вместо того, чтобы вызывать машину. Вечерний Питер встречал их прохладным воздухом с лёгким привкусом близкой осени, а фонари вдоль набережной уже начинали загораться один за другим в сгущающихся сумерках.

Их остановили у Исаакиевской — двое мужчин в гражданской одежде, но с той характерной выправкой, которая безошибочно выдавала военное прошлое. Документы попросили быстро, почти небрежно, но убрали их так же стремительно, стоило только увидеть звания, — весь этот жест был отработан до автоматизма, лишён какой-либо спонтанности.

Они смотрели долго. Слишком долго для обычной проверки — сверяли, листали, снова сверяли, будто искали не соответствие данных, а что-то совершенно иное, спрятанное за строчками документов.

Иван молчал всё это время, и Кирилл знал, каких усилий это ему стоило — молчание давалось брату гораздо тяжелее, чем открытая конфронтация.

⁂

Наконец документы вернули без единого комментария.

— Спасибо. Всего хорошего.

Мужчины развернулись и ушли, растворяясь в вечерней толпе прохожих, спешащих по своим обычным делам, ничего не подозревающих о только что произошедшей молчаливой демонстрации силы.

Иван смотрел им вслед долгим, тяжёлым взглядом.

— Иван, — тихо сказал Кирилл.

— Молчу.

— Хорошо.

— Пока молчу.

⁂

Они дошли до Волги в напряжённом молчании. У самой машины Иван остановился, достал телефон, быстро набрал сообщение — адрес, время, краткое описание внешности обоих незнакомцев. Отправил, убрал телефон обратно в карман.

— Зачем? — спросил Кирилл, наблюдая за этим коротким ритуалом.

— Пусть знает.

Кирилл сел в машину, глядя через лобовое стекло на равнодушный вечерний город, которому не было никакого дела до двух людей, только что переживших молчаливую угрозу у самого сердца исторического центра.

— Киря, — сказал Иван, садясь за руль.

— Что.

— Ты боишься?

Кирилл честно задумался над этим вопросом, прежде чем ответить.

— Нет, — сказал он наконец. — Злюсь.

— Я тоже.

⁂

Иван завёл машину, но не спешил трогаться с места, сжимая руль обеими руками чуть крепче обычного.

— Хорошо, — произнёс он, наконец выезжая на дорогу. — Злость лучше, чем страх.

Кирилл смотрел на проносящиеся мимо фонари, отражающиеся в мокром после недавнего дождя асфальте, и думал о том, как много изменилось за последние месяцы — и как много ещё предстояло измениться, прежде чем эта тревога наконец найдёт своё разрешение.

Из дневника. *Остановили у Исаакиевской. Документы смотрели долго. Молчали и смотрели в глаза. Иван молчал в ответ. Это стоило ему усилий — я знаю. Злость лучше, чем страх. Иван прав. Почти всегда прав.*

Назначение

Рублёв позвонил рано утром, ещё до того, как Кирилл успел допить первую чашку кофе. Голос звучал без обычных предисловий — сразу к делу, коротко, официально.

— Приказ подписан. Я — Генерал ВЧ 7863.

— Поздравляю.

— Рано. Слушай дальше.

Он перечислял назначения быстро, чётко, будто зачитывал список, заученный наизусть: Кирилл становился Генерал-полковником, заместителем лидера, официально — заместителем начальника ВП. Иван — Генерал-майором, начальником подразделения Военной полиции.

Кирилл слушал молча, разглядывая утренний свет, пробивающийся сквозь неплотно задёрнутые шторы кухни, чувствуя, как каждое произнесённое звание добавляет какой-то новый, непривычный вес на плечи.

— Майя? — спросил он, когда пауза затянулась.

Рублёв помолчал, будто подбирал слова.

— Она сама попросила. Майор. Инструктор ВП.

— Ты предлагал выше?

— Предлагал. Она сказала — незачем. Ей нужна работа, а не табличка.

Это было настолько похоже на неё, что Кирилл невольно улыбнулся, хотя разговор шёл по громкой связи и улыбку никто не мог увидеть.

⁂

Иван выслушал новость с той спокойной невозмутимостью, которая иногда пугала больше открытой реакции.

— Генерал-майор, — повторил он, будто пробуя звание на вкус. — Начальник ВП.

— И?

— И ничего. Работа есть работа.

Он помолчал, разглядывая свою кружку с остывающим чаем, потом добавил, уже другим тоном:

— Слушай, а Майя точно сама попросила на инструктора?

— Сама.

— Это правильно, — сказал он после паузы. — Она там нужнее. Генералы — это бумаги. Инструктор — это люди.

⁂

Майя узнала о своём назначении последней — зашла в кабинет, где на столе уже лежал приказ, прочитала его молча, положила бумагу обратно на стол ровным, почти механическим движением.

— Майор, — произнесла она, разглядывая собственное новое звание в документе.

— Да.

— Хорошо.

Она повернулась и вышла — быстро, без лишних слов, но через минуту вернулась, уже приоткрыв дверь наполовину.

— Форма будет нормальная или опять мешком? — спросила она с той характерной прямотой, которая всегда возвращала Кирилла к мысли о том, насколько мало она изменилась внутренне за все эти годы.

— Не знаю.

— Узнай.

Она снова вышла, на этот раз окончательно, и Кирилл долго смотрел на закрывшуюся дверь, думая о том, что Эверти не изменилась в самой своей сути — просто стала Майей, но осталась той же неизменной, требовательной к деталям личностью.

Из дневника. *Послезавтра выходим на ВЧ 7863. Рублёв — Генерал. Я — Зам Нач ВП. Иван — Начальник. Майя — Инструктор. Сама попросила. Это правильно. Инструктор — это люди. А нам сейчас нужны люди.*

Коллективный иск

Каспер позвонил сам — впервые за всё время их знакомства. Голос звучал спокойно, без обычной суетливости, характерной для человека, привыкшего к постоянной нехватке времени.

— Кирилл Романович. Я хочу подписать.

— Что именно?

— То, что вы готовите. Я знаю, что это такое.

Молчание повисло на линии — недолгое, но достаточно значимое, чтобы Кирилл успел собраться с мыслями.

— Андрей Михайлович, вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. Значит — ещё одну внеплановую проверку. Может быть, две. — Пауза, во время которой было слышно, как где-то на заднем плане звякают инструменты. — Но у меня идеальная документация. Вы сами говорили.

Кирилл невольно усмехнулся, вспоминая тот тревожный разговор в ординаторской несколько недель назад.

— Говорил.

— Тогда всё. Где подписывать.

⁂

Иск собирали три недели, методично, без лишней огласки. Рублёв работал тихо, каждая подпись проверялась с той тщательностью, которая исключала любые случайные ошибки, любые возможные подставы.

Каспер оказался не единственным из медицинской среды — за ним последовали ещё четверо главврачей, каждый из которых год за годом терпел давление проверок от Шувалова за отказ работать с определёнными поставщиками.

Иван собирал документацию по линии ВП — молча, ночами, с той скоростью, которая появляется только тогда, когда человек наконец точно знает, ради чего работает. Майя передавала данные через свои прежние каналы, не задавая лишних вопросов, просто выполняя свою часть работы точно и в срок.

Кирилл координировал весь процесс — оставаясь, как обычно, за кадром, но удерживая все нити разрозненной работы воедино.

⁂

Шувалова сняли в пятницу утром. Они узнали об этом не из новостных сводок — просто пришло короткое сообщение от Рублёва, состоявшее из одного слова: «Готово».

Иван читал это сообщение долго, будто ожидая какого-то продолжения, потом медленно положил телефон на стол.

— Всё? — спросил он наконец.

— Всё.

— Быстро.

— Когда документы чистые — быстро, — заметил Кирилл, наблюдая за тем, как за окном моросит обычный осенний дождь, равнодушный к произошедшему.

Майя ничего не сказала. Просто кивнула и вышла из кабинета, вернувшись через десять минут с тремя стаканами кофе, поставленными на стол без единого слова объяснения.

⁂

Иван взял свой стакан, сделал глоток, поставил обратно на стол.

— Каспер знает? — спросил он.

— Уже звонил. Поздравил.

— Он хороший мужик.

— Да.

Они сидели втроём, пили кофе, наблюдая за серым питерским днём за окном — мокрым, тусклым, абсолютно обычным для этого времени года. Город не знал, что где-то в его пределах только что закончилась многомесячная тихая борьба. И, наверное, это было правильно — некоторые победы не нуждаются в свидетелях.

Из дневника. *Шувалова сняли в пятницу. Рублёв написал «Готово». Иван пил кофе. Майя принесла три стакана без слов. За окном дождь. Питер не заметил. Мы заметили. Этого достаточно.*

Глава IV. После победы

Четыре кофе

Утро в ВЧ начиналось обычно — медленно, с кофе и общим нежеланием сразу нырять в документы. Это было одно из немногих времён суток, когда ещё можно было притворяться, что день не несёт никаких проблем.

Кирилл зашёл на кухню. На столе стояли четыре стакана кофе, аккуратно расставленных в ряд, как на витрине. Иван сидел напротив, листая документы, не поднимая головы — настолько привычно, что казалось, будто он делает это машинально, не задумываясь.

— К нам кто-то придёт? — спросил Кирилл, оглядывая стол.

— Нет.

— Тогда зачем четыре?

— Привычка.

— Ваня.

— Что?

— Нас трое.

Иван наконец оторвался от документов и посмотрел на четвёртый стакан — внимательно, будто впервые его увидел. Потом пожал плечами с лёгкой растерянностью, которая у него случалась нечасто.

— Иногда нет.

Больше он ничего не объяснил. Кирилл не стал расспрашивать дальше — он уже знал достаточно, чтобы понимать, когда стоит остановиться. Взял свой стакан, отошёл к окну.

Четвёртый стакан остался стоять на столе. Остывал медленно, пока пар над ним не перестал подниматься вовсе. Никто его не трогал — ни в этот день, ни в следующий раз, когда подобное повторилось.

Кто съел торт

У Кирилла был день рождения. Не пышно — в ВЧ пышности не любили, — но кто-то из штаба заказал торт. Огромный, аккуратно украшенный, с надписью кремом, которую успели прочитать только первые два слова, прежде чем торт перестал существовать как физический объект.

Через двадцать минут на кухне не было ни кусочка. Ни крошки на столе. Даже тарелка, на которой он стоял, выглядела подозрительно чистой — словно её не просто доели, а отполировали.

Это требовало расследования. Не потому что торт был критически важен для безопасности части, а потому что принцип был задет.

Иван взялся допрашивать свидетелей — с тем энтузиазмом, с которым обычно вёл реальные дела. Кирилл, как заинтересованная сторона и временно пострадавший, сел изучать камеры. Майя в это время спокойно пила чай в углу кухни, демонстрируя полное отсутствие интереса к происходящему расследованию — что, как позже понял Иван, само по себе было подозрительно.

На записи было видно: кухня, торт на столе. Потом — пустая кухня, торт по-прежнему на месте. Обычная съёмка коридора времени, ничего интересного.

Потом в кадре на секунду появилась Майя.

Камера зависла. Один-единственный кадр — изображение замерло, будто видеорегистратор внезапно решил передохнуть. А потом снова заработало. Торта на столе уже не было.

Иван прокрутил запись назад. Потом вперёд. Потом снова назад, уже медленнее, покадрово.

— Майя.

— Что?

— Где торт?

— Не знаю.

— Ами.

Пауза. Майя посмотрела в кружку с чаем — так внимательно, будто там были написаны подсказки.

— Она говорит, доказательств нет.

— Конечно нет.

— Она заранее проверила.

— Я даже не удивлён.

Кирилл, наблюдавший за этим диалогом со стороны, молча подошёл к холодильнику, достал три яблока и раздал их присутствующим — себе, Ивану и Майе. Для именинника это было скромное утешение, но символизм момента ему даже понравился. В конце концов, не каждый день твой день рождения превращается в детективный сюжет с элементами паранормального.

Три мнения

Вечером в кабинете обсуждали нового курсанта — формально, для протокола, хотя процедура давно превратилась в привычный ритуал из трёх коротких реплик.

Кирилл, листая личное дело, произнёс своё заключение первым:

— Толковый.

Иван, не отрываясь от телефона, добавил со своей стороны:

— Раздолбай.

Майя, сидевшая чуть в стороне с чашкой чая, ограничилась нейтральным:

— Посмотрим.

Пауза. Обычно на этом обсуждение и заканчивалось — три разных взгляда, ни один не оспаривает другой, дело закрыто. Но в этот раз Майя вдруг нахмурилась, будто к чему-то прислушиваясь. Кирилл сразу заметил перемену.

— Что? — спросил он осторожно.

— Ничего.

Ещё пауза, чуть дольше обычной.

— Ами считает, что он идиот.

Иван поднял голову от телефона — без малейшего удивления, как будто услышал самую естественную вещь на свете.

— Ну, значит, консилиум состоялся.

Кирилл хотел было заметить что-то про методологию принятия кадровых решений и про то, что мнение четвёртого, формально не существующего эксперта едва ли можно вносить в протокол. Но, посмотрев на обоих, решил, что сегодня явно не тот день, чтобы спорить с большинством. Даже если треть этого большинства официально не значилась ни в одном личном деле части.

Последствия

После победы всегда наступает самый странный момент. Тишина.

Не радость, не привычное чувство облегчения — именно тишина, плотная и немного тревожная своей необычностью. В пятницу сняли Шувалова. В субботу никто не позвонил. В воскресенье тоже.

Питер продолжал жить своей обычной жизнью, равнодушный к произошедшему — автобусы ходили по расписанию, дождь лил по расписанию, люди спешили по своим делам, даже не подозревая, что где-то наверху кто-то только что лишился влиятельного кресла.

Офис в этот выходной день был почти пуст. Иван лежал на диване с ноутбуком, изредка что-то печатая одним пальцем. Майя работала за своим столом, полностью погружённая в документы. Кирилл разбирал накопившиеся бумаги, время от времени поглядывая в окно на серый, дождливый двор.

Рублёв с самого утра уехал на какие-то совещания, оставив после себя привычную деловую пустоту в кабинете.

Всё выглядело слишком спокойно.

⁂

Именно поэтому телефонный звонок прозвучал неожиданно резко, разрезав установившуюся тишину. На экране высветилось короткое имя: Аня.

Кирилл ответил сразу, отложив бумаги в сторону.

— Да.

— Ты в офисе?

— Да.

Пауза, короткая, но заметная.

— Не уходи.

Связь оборвалась так же внезапно, как началась. Он несколько секунд смотрел на потухший экран, пытаясь понять смысл этой странной, отрывистой просьбы.

— Кто? — спросил Иван, не отрываясь от ноутбука.

— Аня.

— И?

— Сказала не уходить.

Иван медленно закрыл крышку ноутбука, вся его расслабленность мгновенно испарилась.

— Тогда не уходим.

⁂

Через сорок минут в дверь постучали — не позвонили, не написали заранее, именно постучали, коротко и настойчиво. Майя подняла голову от ноутбука, Иван даже не шелохнулся, только напрягся всем телом.

Кирилл открыл дверь. Первой вошла Аня — в чёрном пальто, с идеально собранными светлыми волосами, с толстой папкой документов, зажатой под мышкой. За ней появилась Маша, держа в одной руке кружку с недопитым кофе, а в другой — телефон.

— Привет, — сказала Маша с лёгкой, будто ничего не значащей улыбкой.

— Привет.

— Всё ещё живой?

— Пока да.

— Странно.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — Маша прошла мимо него, разглядывая обстановку офиса с неприкрытым любопытством.

Аня уже осматривала помещение куда более деловым, изучающим взглядом.

— Это офис? — спросила она.

— Да.

— Вы тут работаете?

— Да.

— И живёте?

— Иногда.

Она посмотрела на диван, где до этого лежал Иван, потом на самого Ивана, теперь сидевшего с абсолютно ровной спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.